

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42

DOI 10.3165/2520-6966-2019-13f-96-222-235

О. В. Банзерук

кандидат філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології, компаративістики та перекладу Інституту філології, перекладу та журналістики Ніжинського державного університету імені Миколи Гоголя

А. С. Банзерук

студентка IV курсу Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка

Функционирование метонимии и синекдохи как тропов и стилистических приемов в идиостиле Николая Гоголя

В статье представлены метонимия и синекдоха как тропы и стилистические приемы в идиостиле Николая Гоголя. Выявлен механизм их тропообразования. Продемонстрирована предметно-конкретная семантика различных моделей в раннем гоголевском творчестве. Прослежены особенности функционирования анализируемых тропов-стилистических приемов в роли символов в текстах зрелых лет. Выдвинута и доказана гипотеза о синтезе метонимии и синекдохи как основы эсхатологической модели мира писателя, охваченной вселенским хаосом и абсурдностью бытия.

Ключевые слова: метонимия, синекдоха, троп-стилистический прием, модель, механизм образования тропа, идиостиль, функционирование, символ.

Актуальность рассматриваемой проблемы. Virtuозное речевое мастерство и специфический стиль Николая Гоголя интересовали исследователей с самого начала его творческого пути. Необычайный дар владения словом был отмечен современниками. Противоречивая личность писателя, проблемы, поднимаемые им в произведениях, а также неповторимая авторская манера (идиостиль) заставляли все последующие поколения ученых обращаться к гоголевскому феномену, рассматривая его творчество в различных аспектах. Но, несмотря на многообразие научной литературы о самом писателе и его творениях, глубина гоголевской поэтики так и остается до конца не постигнутой, раскрыты не все секреты его творческой лаборатории. Все перечисленные факторы и дают

основания для поиска новых оттенков в семантике слова, поворотов в сюжете и образной системе. Особенно пристальным интерес к творчеству великого художника слова и его неповторимым творениям становится в юбилейные годы.

По мнению С. Машинского, Николай Гоголь "был один из самых удивительных и своеобразных мастеров художественного слова. Среди великих русских писателей он обладал, пожалуй, едва ли не наиболее выразительными приметами стиля. Гоголевский язык, гоголевский пейзаж, гоголевский юмор, гоголевская манера в изображении портрета – эти выражения давно стали обиходными. И тем не менее, изучение стиля, художественного мастерства Гоголя все еще остается далеко не в полной мере решенной задачей" [1, с. 39–40]. Одной из них считаем лингвостилистический анализ ярких образных языковых средств гоголевского идиостиля, среди которых важное место занимают троп-стилистический прием метонимия и ее разновидность синекдоха.

Постановка проблемы. Изучение специфики индивидуально-авторской манеры художника слова и его роли в литературном произведении является одним из приоритетных направлений лингвостилистических студий, к которому не ослабевает интерес исследователей. Внимание современных лингвистов текста направлено на изучение произведения как антропоцентрической иерархической системы, обусловленной языковой личностью автора, с его национальными, психологическими, социально-культурными и когнитивными особенностями [2].

В арсенале языковых средств, способствующих созданию образности, выразительности текста, придающих ему экспрессивность и неповторимость, особой продуктивностью отличаются метонимия и синекдоха. Будучи средствами вторичной номинации, они оказывают влияние на читателя, придают произведению богатейшую ассоциативность, имплицитность, позволяют выразить авторскую индивидуальность [3, с. 86]. Сказанное обуславливает необходимость анализа метонимии "как составляющей языкового сознания творца текста" и его неповторимой художественной картины мира [2].

Степень изученности проблемы. Метонимию как один из видов полисемии и образительно-выразительных средств языка рассматривают в курсах лексикологии, стилистики (Н. Шанский, М. Кожина, Д. Шмелев, А. Калинин и др.); в монографиях по семантике и грамматике (С. Ульманн, Ю. Апресян, А. Тараненко) и в работах по языковой номинации (В. Телия, В. Вовк, Н. Арутюнова, А. Тараненко, Е. Гинзбург). Исследованы семантическая природа и структура

метонимии (С. Маслова-Лашанская), рассмотрено ее соотношение с другими тропами, в частности синекдохой и метафорой (А. Тараненко), проанализированы отдельные типы метонимических связей, переносов, моделей (Л. Ефремов, О. Раевская). Метонимия в именах собственных была предметом внимания А. Суперанской, О. Фоняковой, М. Бич. Анализ метонимических переносов на уровне грамматики предпринимали А. Бирих, А. Тараненко. Метонимия рассматривалась также в аспекте проблем лингвистической поэтики, художественного текста (Е. Ярцева, А. Брагина, В. Вовк).

В лингвистике существуют разные определения анализируемого языкового средства, что обусловлено длительной традицией его изучения. В большинстве работ под метонимией понимают "... троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию" [4, с. 127].

Современное состояние вопроса. В последнее время заслуживают внимания когнитивные теории тропов, в том числе метафоры и метонимии, которые дают возможность глубже понять механизмы формирования последней как явления повседневного сознания (Р. Дирвен, Дж. Лакофф, Дж. Радден, М. Тернер), раскрыть особенности функционирования метонимии в тексте и дискурсе (А. Капранов, О. Раевская, А. Худолий, А. Барселона). Современные украинские лингвисты, в частности Е. Селиванова, видят основу метонимии в наличии тесной связи между категориями и понятиями в мышлении человека и определяют ее как "семиотическую закономерность, которая проявляется при перенесении обозначений одного компонента события на другой, имени класса объектов на объект этого класса, обозначение части вместо целого и целого вместо части по смежности в пределах одной ситуации" [5, с. 104].

В лингвистической литературе существует несколько попыток выделения типов метонимического переноса (М. Бондарко, Г. Пауль, Н. Покровский, С. Ульман и др.). В нашей статье воспользуемся классификацией А. Удинской как наиболее универсальной и полной. В соответствии с ней выделяют шесть групп: каузальную, атрибутивную; локальную; темпоральную; синекдоху; комбинированную [6, с. 28]. Согласно с мнением исследовательницы, наиболее продуктивным среди названных типов метонимического переноса считаем атрибутивный. Причину частотности данного типа метонимии в худо-

жественном творчестве Н. Гоголя видим в "потребности номинации предметов или явлений по наиболее приметному признаку с целью его акцентуации" [2]. По мнению А. Кубрак, связь между определенным предметом или явлением и его признаком отображается в сознании человека "в виде ситуативно обусловленной ассоциации" [7, с. 159] и предопределяет контекстуальный характер метонимического переноса признака на объект. Переносный смысл, возникающий в результате такой транспозиции, имеет субъективный характер и отражает своеобразие картины мира писателя.

Обозначение явлений действительности метонимией атрибутивного типа осуществляется по таким моделям: "характеристика личности – человек наделен этой характеристикой", "характеристика явления или предмета – явление или предмет наделены этим свойством" и т. д.

Таким образом, метонимия принадлежит к языковым явлениям, разработанным достаточно полно и всесторонне. Однако остается еще целый спектр вопросов, связанных с употреблением данного выразительного средства в художественной речи, которые ожидают своего рассмотрения. Кроме того, мало изучена метонимия и в литературном дискурсе Николая Гоголя. Попыткой восполнить этот пробел и определяется актуальность данного проекта.

Цель и задачи исследования. Целью нашего исследования является изучение функционирования метонимии и синекдохи как доминантных тропов и стилистических приемов в идиостиле Николая Гоголя. Намеченная цель предусматривает решение таких задач:

- 1) выяснение механизма возникновения метонимии и синекдохи;
- 2) выявление типов и продуктивных моделей метонимического и синекдохического переносов в текстах писателя;
- 3) определение особенностей функционирования метонимии и синекдохи в художественной речи Николая Гоголя разных лет.

Изложение основных результатов исследования. На основе анализа научных источников и собственных наблюдений выдвигаем гипотезу о том, что механизм возникновения метонимии и синекдохи можно представить в виде нескольких взаимосвязанных процессов.

1. Актуализация одной из сем в значении лексемы – "часть в значении целого" (например, **нос, голова**) – при нивелировании остальных признаков.

2. Абстрагирование выделенного свойства, качества предмета, персонажа, благодаря чему осуществляется переход к понятию "целое" (нос – часть лица, голова – часть тела).

3. Дальнейший переход этого понятия к более общему по отношению к исходному (нос – часть лица человека – лицо человека; голова – часть тела человека – тело человека) – "человек".

4. Уточнение и конкретизация нового значения в контексте, например, "наиболее влиятельное лицо, представитель привилегированного сословия", "умный, рассудительный человек" и т. д.

Иллюстрацию к первому типу переноса находим в повести Н. Гоголя "Майская ночь", где каламбурно обыгрывается значение украинизма **голова** по отношению к сельскому председателю Каленику.

Примером второго вида семантического сдвига служит повесть "Нос", в которой одноименная часть лица статского советника майора Ковалева, покинув однажды утром своего хозяина, свободно и с пафосом разгуливала по Набережной. В результате метонимического употребления возникает своеобразная двуплановость семантики: сохраняя свое основное лексическое значение, метонимия в тексте приобретает новые связи: по смежности или родству. Сочетаемость метонимически переосмысленного слова при этом нарушается. Именно нарушение обычной сочетаемости слова в речи, алогичность связей и служит сигналом метонимического сокращения [8, с. 72]. Свойство метонимии подвергаться информативной редукции объясняет ее широкое употребление в разговорной речи и литературном творчестве.

Приобретение образным средством дополнительной функциональной нагрузки в художественной речи превращает его в троп-стилистический прием. Функция метонимии складывается из собственно стилистической роли и дополнительной семантической информации, которая возникает при участии тропа в эстетическом оформлении всего произведения. "Так, – считает исследователь, – метонимия в разговорной речи – троп, а в художественном тексте – троп-стилистический прием" [9, с. 20].

Если метонимия представляет собой как бы сжатое описание, состоящее в том, что из содержания мысли выделяется существенный для данного предмета или персонажа в данной ситуации признак, то синекдоха, напротив, выражает одно из свойств предмета, именуя часть предмета вместо его целого, при этом называя часть и лишь подразумевая целое. Мысль сосредоточивается на том из признаков или той из частей целого, которые или бросаются в глаза, или почему-либо важны, характерны для данного контекста. Другими словами, мысль переносится с целого на его часть, потому

в контексте синекдохи легче, чем при метонимии, говорить о переносном смысле образа.

Анализируя метонимию в произведениях разных лет Николая Гоголя, мы отметили разнообразие ее структурно-семантических моделей, выполняющих различную функциональную нагрузку. Проиллюстрируем некоторые из них, наиболее частотные и выразительные.

1. "Содержимое вместо содержания". Вследствие неоднородности и многочисленности внутри данной модели выделяем следующие разновидности.

"Название города, государства вместо его жителей": *Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести была земля наша: и грекам дала себя знать, и с **Царьграда** брала червонцы* ("Тарас Бульба"); *Онемела **Феррара**, пугая дикой мрачностью своего герцогского дворца* ("Рим").

"Название награды по имени человека, в честь которого она была дана": *Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе **Владимира** в петлицу так и дадут. А мне нравится **Владимир**. Вот **Анна третьей степени** уже не так* ("Ревизор").

"Фамилия автора вместо названия произведения": *В стороне лежит, в густой пыли, том давний, **Платон и Шиллер** своенравный, **Петрарка, Тик, Аристофан** да позабытый **Викельман*** ("Ганц Кюхельгартен").

2. "Форма вместо содержания". Данная модель, в свою очередь, также представлена неоднородно.

"Собственно форма вместо содержания": *Кажись, теперь **весь свет** съел бы* ("Ревизор"); ***Багратион** с орлиным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку* ("Мертвые души").

"Видовое вместо родового": *... потомок **фамилии**, составляющей когда-то честь, гордость и бесславие средних веков* ("Рим").

"Название поста, чина вместо человека, его занимающего": *Странные дела делаются в Испании... **престол** упразднен и **чины** находятся в затруднительном положении* ("Записки сумасшедшего").

"Название науки вместо человека, изучающего ее": *... он (профессор – О. Б.) сек розгами по пальцам **риторику**, в другом же классе другой профессор отделявал по рукам **философию*** ("Вий").

"Название материала вместо предмета из него": *Сабли страшно звукнули; **железо** рубило **железо*** ("Страшная месть"); *... и наплечники в **золоте**, и нарукавники в **золоте*** ("Тарас Бульба").

"Название места, местности вместо названия людей, находящихся или живущих там": ... *весь колебался и двигался живой берег* ("Тарас Бульба"); *гостиница* *объялась непробудным сном* ("Мертвые души"); *бурса и семинария* *носили какие-то подобия сюртуков* ("Вий"); ... *угощает наша бакалейная миргородская лавка* ("Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем"); ... *улицы запестрели, оживились* ("Коляска").

Довольно частотна в произведениях Николая Гоголя разных лет и синекдоха как разновидность метонимии, идентифицирующая предмет по его характерному признаку и возникающая благодаря замене прямого значения переносным на основе различных количественных отношений. Представим структурно-семантические модели гоголевской синекдохи.

1. "Часть вместо целого предмета".

"Часть тела человека вместо его самого": ... *где пошатнулась с хмеля козацкая голова, там и лежит и храпит на весь Киев* ("Страшная месть"); ... *серые глаза* *продирались довольно увертливо сквозь щазу насунувшихся бровей* ("Гетьман").

2. "Элемент внешнего облика вместо самого человека": ... *в его (художника – О. Б.) уединенную комнату никогда не заглядывала богатая либеря* ("Невский проспект"); *Только местами вдруг высовывался какой-нибудь не виданный землею чепец или даже какое-то чуть не павлинье перо* ("Мертвые души").

3. "Множественное число в значении единственного": *Музыканты грянули; дивчата, молодицы, лихое козачество в ярких жупанах понесли* ("Страшная месть"); *Скоро все общество разделилось на четвертные партии в вист и расселось в разных углах генеральских комнат* ("Коляска").

4. "Единственное число в значении множественного": *Она (тетушка – О. Б.) тщательно собирала для него копейку* ("Иван Федорович Шпонька"); ... *землишка маленькая, мужик ленив* ("Мертвые души"); ... *француз тайно согласился с англичанином выпустить на Россию Бонапарта* ("Старосветские помещики"); ... *чернобровой горожанке снится гусарский ус и шпоры* ("Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем").

Таким образом, в ходе анализа языкового материала мы убедились, что метонимия и синекдоха в раннем творчестве Николая Гоголя отличаются пестротой и разнообразием моделей с конкретно-предметной семантикой. Назначение таких тропов, по нашему мнению, – в раскрытии гоголевской идеи приоритета вещи

в современном ему мире, обезличивающего и превращающего персонажей в бездушные предметы.

Вместе с тем следует отметить, что в реалистически зрелом творчестве наблюдается "намагничивание" тропов, то есть их средоточие вокруг одного смыслового стержня. Таким центром, притягивающим к себе образные средства, по нашему мнению, является основная мысль писателя, ставшая лейтмотивом всех его произведений, – идея абсурдности бытия, нелепости устройства мира, а также алогичность человеческой жизни на фоне нарушенной гармонии. Будучи менее многочисленными, синекдохи и метонимии позднего творчества писателя намного богаче и глубже по содержанию. Их сравнительно редкое использование писателем глубоко продумано, целесообразно и более эффективно. В этом проявилась жизненная мудрость Гоголя и совершенствование его художественного мастерства.

Изменение мировоззрения повлекло за собой и кардинальные перемены в идиостиле. Синекдоха и метонимия зрелого этапа образованы на основе тех же выше рассмотренных языковых моделей. Многие из реалистических тропов "Петербургских повестей", "Ревизора" и "Мертвых душ" перешли в разряд символов, утратили индивидуально-авторскую интерпретацию, получив обобщающий смысл. Поэтому синекдохи и метонимии зрелого гоголевского творчества представляют, с нашей точки зрения, наибольший интерес. Только на основе "синекдохи, способной конденсировать контекст, спрессовывать ассоциации, ускорять нашу мысль, уплотнять смысловое пространство текста" [10, с. 205], и могли быть созданы произведения, задуманные Гоголем, – "Невский проспект", "Нос", "Шинель", "Записки сумасшедшего" и особенно "Мертвые души".

Специфика этих приемов, в частности синекдохи, удачно использована писателем как выразительное средство образной "вивисекции" (Е. Добин), то есть анатомического анализа или расчленения тела. Действительно, Гоголь, как опытный хирург (точнее – патологоанатом) с помощью синекдохи – анатомического ножа – как бы вскрывает человеческую плоть с целью выяснения причин смерти, сначала – души, а затем и самой физической оболочки. В связи с этим цикл "Петербургских повестей" и поэма "Мертвые души" воспринимаются как яркая клиническая картина душевного и телесного недуга, которую писатель-врач-аналитик записывает в историю болезни пациента. В роли больного выступает весь социум – от высшей столичной знати до мелких чиновников 14-го разряда.

Специфической особенностью реалистической синеждохи Н. Гоголя является, на наш взгляд, комплексность ее значения, а также сложность в "декодировании" (И. Арнольд). Возникая на основе соположения однородных явлений, в тексте она стремится избавиться от предметно-чувственной основы, заложенной во внутренней форме. Это приводит к абстрагированию образа, представленного в тропе. Обобщающая функция тропа проявляется в автономном существовании частей лица, тела или деталей одежды персонажа; вещей, принадлежащих ему и характеризующих его своим самостоятельным поведением, что достигается благодаря семантическому **сдвигу** при помощи персонификации. При этом индивидуально-авторские коннотации нивелируются и фактически перестают восприниматься. Это означает, что интерпретация тропа-стилистического приема при кажущейся потенциальной многозначности становится однонаправленной, возводя личностно-субъективный смысл в ранг общепринятого. Так **синеждоха перерастает в символ**. "Иносказательность символа прозрачна, и если не все его уровни легко прочитываются, то только вследствие недостаточной культурной "включенности" реципиента" (И. Шама). Таким образом, подвергаясь сложным процессам абстрагирования и грамматической транспозиции, гоголевские синеждохи типа "нос", "усы", "бакенбарды" и др., заменяющие персонажей, становятся **окасиональной метафорой**. Возникая на основе олицетворения и благодаря появлению у тропа устойчивого значения, такая метафора трансформируется в символ.

Схематически этот процесс можно представить так:

где стрелками обозначены семантические и морфологические процессы, в результате которых это превращение становится возможным: 1) выход периферийной семы в положение ядерной; 2) сглаживание остальных сем; 3) ослабление связей денотата с реальностью, а тем самым внутренней формы тропа; 4) переход от конкретного образа к абстрактному; 5) абстрагирование (переход к моносемности); 6) переход категории лица из категории неодушевленных существ в категорию одушевленных; 7) утрата тропом личностного смысла, приобретение символического значения. Указан-

ные процессы можно проиллюстрировать на примере гоголевской синекдохи – тропа-стилистического приема **Нос**.

В самом начале одноименной повести лексема "нос" еще не воспринимается как троп: найденное цирюльником в свежеиспеченном хлебе хрящевидное инородное тело оказалось ничем иным, как человеческим носом. Нос становится образным средством (синекдой), когда майор Ковалев узнает в незнакомце в генеральском мундире собственный нос, совершенно бесследно исчезнувший однажды утром. Нос, преуспевший на службе больше, чем его хозяин, начинает самостоятельную жизнь, абсолютно не зависимую от Ковалева. Семантически это выражается в выдвигании в центр семы 'часть человеческого лица' и нивелировании остальных сем ('остаться с носом', 'водить за нос', 'не видеть дальше своего носа'). Следуя логике авторского замысла, принципу реалистической фантастики, в основе которой – гротеск, воспринимающий в качестве нормы автономное существование частей лица, тела, элементы одежды персонажа, синекдоха "нос" стремится избавиться от своей внутренней формы, то есть от кровной связи со своим хозяином. Это становится возможным благодаря переходу лексемы "нос" в семантическую категорию лица. Став главным действующим лицом повести, Нос оттесняет майора Ковалева на второй план сюжетно, композиционно и семантически. Морфолого-семантический переход подкрепляется метафорическими глаголами, которые принимают на себя функции одушевленных существ: Нос свободно разезжает в карете, прогуливается по Невскому проспекту, вбегает по ступенькам в департамент, негодует на осмелившегося с ним заговорить чином ниже стоящего Ковалева и т. д.

Акцентирование писателем внимания на генеральском мундире Носа, чересчур свободном его поведении настраивает читателя на новый смысл: Нос воспринимается уже не как часть лица, а как Чин, Мундир, имеющий роковую власть над человеком. При этом происходит еще один "прыжок" (А. А. Потенбя) образности: из частной детали внешности конкретного человека нос становится самостоятельным понятием, способным образовывать новые смыслы: 'водить за нос' и 'остаться с носом'. Формирование метафорических (фразеологических) значений – свидетельство того, что в семантике лексемы "нос" произошел еще один процесс – переход от конкретного образа к абстрактному, выраженному фразеологически. Нос воспринимается не как часть лица, не как самостоятельный персонаж, а как Должность, Чин, затмевающий человеческое в человеке. Достигается

это при помощи абстрагирования, что проявляется в снятии контекстом полисемии и актуализации ядерной семы. Это, в свою очередь, приводит к нивелиации индивидуально-авторских коннотаций смысла лексемы "нос" и приобретению ею постоянного символического значения, которое синекдоха "нос" приобретает, выходя за узкие рамки гоголевской повести. Это новое значение получает общечеловеческий, философский смысл.

При интерпретации подобного рода сложных семантических явлений в художественной речи усиливается роль "фоновых" знаний (О. Фоякова). Поэтому считаем возможным раскрытие смысла образного комплекса синекдоха – метафора – символ осуществить при помощи ономастологического анализа.

Гоголевская синекдоха, спецификой которой является укрупнение детали, ассоциируется с приемом "наезда камеры", характерного для киноискусства. Сущность его состоит в том, что фигура в целом не появляется, в то время как часть ее настолько приближается к глазам, что заполняет собой все поле зрения. Авторское освещение крупного плана столь сильно, а вся фигура так погружена в тень, что часть как бы отъединяется от целого, сосредотачивая в себе суть образа [11, с. 81]. Поэтому в бездушной, безликой чиновнице-дамской массе живыми оказываются лишь атрибуты чина – бакенбарды, усы, плащи, сапог, башмачок, сабля, – замещая собой личность владельцев. Этим объясняется персонификация предметов, так подробно и со вкусом выстраиваемых в длинные ряды перечислений: *Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные под галстук, бакенбарды бархатные, черные, атласные, черные, как соболь или уголь... Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не вообразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни; усы, на которые излитись восхитительные духи и ароматы и которые умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад...* ("Невский проспект").

Таким образом, в гоголевской синекдохе образно раскрываются жизненные наблюдения писателя, которые молодой чиновник-неудачник черпал из окружающей обстановки. Он пришел к выводу: в чиновничьем бюрократическом государстве не существует конкретного человека, над всем господствует **Чин**.

Выводы и перспектива дальнейших исследований. Проанализировав языковой материал, мы пришли к ряду выводов. Синекдоха и метонимия – тропы-стилистические приемы – важнейшие средства вторичной номинации, доминирующие худо-

жественные приемы в идиостиле писателя, служащие основой для возникновения других типов образности в художественной речи.

Метонимия как средство взаимопроникновения предметов, с одной стороны, и синекдоха как способ видения мира в расчлененных образах – с другой, составляют две грани единой картины мира Николая Гоголя, а также являются приметами его идиостиля. Синтез названных языковых средств представляет эсхатологическую модель мира, по мысли писателя, объятаго вселенским хаосом и проникнутого идеей абсурдности бытия.

Если для раннего гоголевского творчества были характерны синекдохи и метонимии вещественно-конкретной семантики, то для этих же тропов в реалистических произведениях писателя свойственно употребление в роли символов. Перспективным, по нашему мнению, может быть и функциональный анализ атрибутивной (признаковой) метонимии. Однако, это – тема для будущего исследования.

Литература

1. Машинский С. И. Художественный мир Гоголя: монография. Москва: Просвещение, 2007. 512 с.

2. Мельник С. М. Стилистические и когнитивные аспекты функционирования метонимии и синекдохи в современной украинской художественной прозе. *Концепт*. 2013. № 5. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13115.htm> (дата звернення: 10.10.2019).

3. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики. *Логический анализ языка. Модели действия*. Москва: Наука, 1992. С. 84–90.

4. Арутюнова Н. Д. Метонимия. *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В. Н. Ярцевой. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 300–302.

5. Удинська А. Г. Метонімічні переноси казуального типу на позначення людини в англійській та українській мовах: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Донецьк, 2007. 23 с.

6. Кубрак А. Контекстна реалізація метонімії в художній прозі англійського модернізму. *Лінгвістика*. 2011. № 2. С. 157–163.

7. Сиротина В. А. Метонимия и метонимический эпитет в художественной речи. *Русский язык в школе*. 1980. № 6. С. 72–76.

8. Хованская З. И. Структурно-функциональный анализ художественной речи: автореф. ... дисс. д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва, 1976. 38 с.

9. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: монографія. Полтава: Довкілля, 2008. 712 с.

10. Хеджиян Л. Странность. *Логос. Ленинградские международные чтения*. Ленинград, 1991. С. 201–211.

11. Добин Е. Н. Сюжет и действительность. Искусство детали: монография. Ленинград: Советский писатель, 1981. 432 с.

12. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент.: И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Москва; Киев: Московская патриархия, 2009–2010.

References

1. Mashinskij S. I. Hudozhestvennyj mir Gogolya: monjgrafiya. M.: Prosveshenie, 2007. 512 s.
2. Melnik S. M. Stilisticheskie i kognitivnye aspekty funkcionirovaniya metonimii i sinekdohi v sovremennoj ukrainskoj hudozhestvennoj proze. *Koncept*. 2013. № 5. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13115.htm> (data zvernennya: 10.10.2019).
3. Kubryakova E. S. Glagoly dejstviya cherez ih kognitivnye karakteristiki *Logicheskij analiz yazyka. Modeli dejstviya*. M.: Nauka, 1992. S 84–90.
4. Arutyunova N. D. Metonimiya. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar / pod. red. V. N. Yarcevoj*. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. 682 s.
5. Udinska A. G. Metonimichni perenosi kazuzalnogo tipu na poznachennya lyudini v anglijskij ta ukrayinskij movah: avtoref. na zdobuttya nauk. stup. kand. filol. nauk. Doneck, 2007. 23 s.
6. Kubrak A. Kontekstna realizaciya metonimiyi v hudozhnij prozi anglijskogo modernizmu. *Lingvistika*. 2011. №2. S. 157–163.
7. Sirotnina V. A. Metonimiya i metonimicheskij epitet v hudozhestvennoj rechi. *Russkij yazyk v shkole*. 1980. №6. S. 72–76.
8. Hovanskaya Z. I. Strukturno-funkcionalnyj analiz hudozhestvennoj rechi: avtoref. na zdobuttya nauk. stup. d-ra filol. nauk. M., 1976. 38 s.
9. Selivanova O. O. Suchasna lingvistika: napryami ta problemi: monjgrafiya. Poltava: Dovkillya, 2008. 712 s.
10. Hedzhiyan L. Strannost. *Logos. Leningradskie mezhdunarodnye chteniya*. L., 1991. S. 201–211.
11. Dobin E. N. Syuzhet i dejstvitelnost. *Iskusstvo detail: monjgrafiya*. L.: Sovetskij pisatel, 1981. 432 s.
12. Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17–ti t. / sost., podgot. tekstov i komment.: I. A. Vinogradova, V. A. Voropaeva. M., K.: Moskovskaya patriarhiya, 2009 - 2010.

O. V. Banzeruk

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Institute of philology, translation and journalism of Nizhyn State University named after Mykola Gogol
E-mail: oksana.banzeruk@ukr.net

A. S. Banzeruk

a fourth-year student of Institute of Philology of Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: lina.banzeruk@ukr.net

The functioning of metonymy and synecdoche as tropes and stylistic techniques in the lexicostatistics of Nikolai Gogol

One of the dominant topics in text linguistics is the study of the peculiarities of the language and style of the writer. Particular interest arises while their investigation in the works of the most famous masters of the word, to whom Nikolai Gogol belongs. The means of

individualization of the author's manner, the author's lexicostatistics are linguistic means of secondary nomination. Among them particularly productive are metonymy and synecdoche as elements of linguistic thinking and author's individual worldview. Despite the sufficiently extensive study of metonymy and synecdoche in various aspects, the peculiarities of the functioning of the analyzed tools in discourse, artistic text, including Gogol, are not fully understood. The mechanism of the trope occurrence has not been disclosed. Their functions in Gogol's texts have not been analyzed. Attempt to fill these gaps makes our research relevant.

The article describes the process of formation of these tropes. Structural-semantic models of metonymy in Nikolai Gogol's works of different years are distinguished. Emphasis is placed on their subject-specific character in the early work of the writer, offering the idea of the man's callous nature in the contemporary world of those times. It is proved that the metonymy and synecdoche of writer's mature years, formed on the basis of the same models, act in a new function for them - the trope-stylistic technique which is simultaneously the outgrowing the boundaries of Gogol's creativity symbol in a broader sense. The hypothesis has been put forward that the synthesis of these expressive means forms an eschatological model of the world, which, according to M. Gogol, is engulfed in universal chaos and the absurdity of existence.

Key words: *metonymy, synecdoche, trope-stylistic technique, pattern, process of tropogenesis, lexicostatistics, functioning, symbol.*